

Громкий человек

Хорицкая Ю.

..Элегантно поданное пальто. Элегантный поведуй руки. Пропальный наклон седой головы... Ухожу с опущением, что побывала в веке минувшем. А впрочем, скорее наоборот: приметы века грядущего являл собой человек, который остался за дверью чуть старомодной московской квартиры...

Александр Алексеевич Беляков. Один из крупнейших советских специалистов в области гидроэнергетики.

Знакомься, он спросил:

— Кто рассказал тебе обо мне? (Форма обращения на «ты» для него непреложна. Ему девятно третий год, и он настроен на волну доброты по отношению к каждому).

Кто мне рассказал? Сразу и не ответить. Знаю только, что имя — Беляков, а еще — «дед», а еще — «мудрец», «голова» — неизменно появлялось в разговоре, если речь шла о гидроэнергетике, буквально о каждой крупной гидроэлектростанции нашей страны. «Днепрогэс? Ну как же, интереснейшая стройка. Да, кстати, там Беляков орудовал». «Токтогульская ГЭС на Нарыне? Там «дед» такое наворотил! Поставил агрегаты не шерегой, а двумя, в «затылок» друг другу. Мастерски нашел выход из ситуации, когда створ плотины узок, а напор воды велик, и мощность от нее можно взять большую»...

Впрочем, я могу ответить на вопрос Александра Алексеевича. Я услышала о нем, и недавно, от сотрудника Министерства энергетики и электрификации СССР. «Есть у нас неугомонный дед, — сказали мне. — Представьте, не согласен с проектом будущей Туруханской электростанции. Считает, что неанного увеличив затраты на ее сооружение, можно на треть поднять мощность. Убежден, что сделать это необходимо. Станция будет служить в двадцать первом веке, и преступно не предвидеть, какой к тому времени окажется потребность в энергии для края, который сегодня едва обжит. Подготовил свой проект. Собирается защищать его на техническом совете министерства».

Ну конечно же, вот эта отвага, вот это рыцарство в служении своему делу в ель тот «наводчик», который вывел ме-

ня на Александра Алексеевича. Но об этом я не говорю ему. Я еще стесняюсь. К тому же... Я пришла к нему с вопросом об «экологической трагедии», как говорят сегодня. С вопросом, который волнует тысячи людей и меня в том числе. А он, гидростроитель Беляков, можно сказать, у истоков проблемы... Я имею в виду сохранность окружающей нас среды, изменение этой среды в связи со строительством крупных гидроэлектростанций, больших водохранилищ. Сегодня в ходу суждение, что гидроэнергетика — явление не во всем положительное: затопление земель под водохранилища — в конечном итоге урон для государства. Так сегодня поговаривают, так нередко пишут.

...Могла ли я предположить, что мой вопрос — это и «вопрос вопросов» его, Белякова. Средоточие его боли и негодования. Я едва сформулировала свою мысль, как человек, только что спокойно сидевший рядом, преобразился. Я получила: вот таким он будет, когда придет час защищать поправки к проекту Туруханской ГЭС. Даже седая грива на его голове будто приподнялась. А манера выражаться приобрела драчливый оттенок.

— А вы знаете (он уже не допускал в тени отцовского благодушия по отношению ко мне), вы знаете, что такое водный баланс страны? Не ведаете? И те, кто твердит об «экологической трагедии», судя по всему — не ведают. Так я вам доложу! Существуют четкие цифры, сколько воды потребно нашему хозяйству каждый год. И, представьте себе, то, что несут реки, не покроеет этой потребности. Если же учесть, что бывают годы катастрофического спада воды в реках, прикиньте — можно ли, допустимо ли не иметь запаса воды, не держать такого постоянного запаса?

Я знаю, сколь красноречивы сегодня нападки, скажем, на тех, кто дал добро созданию Рыбинского водохранилища. Представьте, в довоенные годы ваш покорный слуга был в лагере «сопротивления», был одним из ярых противников такого обширного затопления земель в сердце европейской России. А сегодня по-

нимаю, крупные гидротехники, ученые, которые стояли у истоков этого дела, были мудры. Они знали, что иначе то самое «сердце», его индустрия в частности, окажется на голодном водном пайке. И, значит, весь организм не получит должного развития!

Люблю термин, который был в ходу когда-то. Воду, накопленную в водохранилище, величали «белый уголь». Именно белый уголь. То, что питает, причем уже без затрат, и энергетике, и промышленности, и индустрию сервиса. Так что я сегодня готов согласиться лишь с одним из аргументов тех, кто склонен красноречиво об античеловечности гидроэнергетики. Выбирать место для стройки надобно с умом. Строить водохранилище — и крепко думать, и грамотно считать.

Кстати, доложу вам еще: в Америке семьдесят шесть тысяч водохранилищ. Это что — случайность? Нет — это стратегия отношения к воде! А мы до сих пор даже в проектных наметках не можем дотянуть всего до двух тысяч... Дотягивать надо. Потому что к началу будущего века европейская часть России займет по необходимости расхода трехсот кубических километров воды в год.

...Слушаю Александра Алексеевича и понимаю, что необходимо немедленно перевести разговор: недопустимо волновать его. Он как будто улавливает мою обеспокоенность. Вызывающим тоном произносит:

— Видишь, у меня тренажер Микулина. Я делаю на нем тридцать упражнений утром и тридцать — вечером. Плюс два вида зарядки. Знаешь, зачем? Прежде всего, чтобы быть в форме и работать. А еще — я могу позволить себе такую роскошь — злость, ярость, если я не согласен, мягко говоря, с дураками.

Ты ведь еще не знаешь (он все-таки возвращает меня в лоно своей благосклонности) — я был знаком с Кржижановским. Мальчишкой. Видел его в доме отца. И его мечту об электрической России — от него слышал. И она меня поразила тогда, как может поразить мальчишку головокружительная фантастика.

А еще я знал Шелгунова. Видный революционер, Баси-

лий Андреевич стал другом моего отца, когда тот и другой были ссыльными, в Архангельске. Позже он часто бывал у нас. И я выполнял миссию поводыря при нем — слепце. Василий Андреевич Шелгунов, мой отец — Алексей Александрович Беляков, знаменитый Кржижановский увязали в моей голове идею электричества в России с идеей революции.

Между прочим, тебе не приходило мысли, что революция — это процесс постоянный? Во всяком случае, если мы хотим постоянного восхождения мысли, постоянного обновления? Рутинное мышление — вот бич, с которым я постоянно сражаюсь.

Извини, я не спросил — ты не замерзла? Я-то к холоду привык. Живу круглый год с открытыми окнами. Обо мне знаешь, какие байки рассказывают: «Сидит Беляков в министерстве, а ему на лоб снег падает».

Да и пора — давай заканчивать. Завтра — на работу...

...И вот — элегантно поданное пальто. Склоненная в прощание голова. Иду по кривым старомосковским переулкам, минуя охраняемые государством палаты Шуйских. Тихо. Пустынно. Но я знаю, что по этим тихим тротуарам каждое утро пешком и без опоздания в Министерство энергетики и электрификации приходит небольшого роста, по виду — тихий, а по настрою — «громкий» старик. До недавних дней он был питатным сотрудником технического совета министерства. Совета, в котором двадцать пять лет (уже в пенсионные годы!) он являлся заместителем председателя, то есть заместителем министра.

...Сегодня он повторяет судьбу своего наставника — Шелгунова: он незряц, его рабочие «инструменты» — слух и отличная память. Но слепой иногда бывает прозорливее иного зрячего. Собственно поэтому, пусть и на пеншатных началах, ровно в девять утра Александр Алексеевич Беляков садится за рабочий стол.

...В самом деле, не примет ли будущего несет в себе этот человек?

Ю. ХОРИЦКАЯ.